

ние этой невозможности открывает дорогу в бесконечное, только не осуществимое порождает пространство для действия абсурда. Именно бесконечное движение отличает истинную веру от капризной уверенности в чём-то. Будь Авраам таким рыцарем, ему странно было бы получить Исаака обратно. В действительности же – «...Авраам не отказался от Исаака, он обрел Исаака посредством веры» [2, с. 17], ведь «Авраам верил в силу абсурда, потому что всяким человеческим соображениям давно настал конец» [2, с. 19]. Даже если бы Авраам вонзил нож в грудь сына, он был бы рад увидеть его невредимым в тот же момент. Был бы он изумлён? Да. Казалось бы ему это странным или невозможным? Нисколько!

Таким образом, мыслитель представляет три уровня существования: эстетический (уровень ощущения), уровень всеобщего - этический (разумный, ответственный) и религиозный (веры). Экзистенция для Кьеркегора – это, в первую очередь, экзистенцирование в истине. Как для религиозного мыслителя это процесс веры, столкновения себя-единичного-христианина и мира всеобщего. Его философия - продукт великого внутреннего напряжения, через которое только и возможно существование себя.

Список цитированных источников

1. Кьеркегор, С. Философские крохи. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2009.
2. Кьеркегор, С. Страх и трепет. – М.: Республика, 1993.
3. Кьеркегор, С. Заключительное ненаучное послесловие к "Философским крохам" (Мимически-Патетически-Диалектическая Компиляция. Экзистенциальный вклад Иоханнеса Климакуса). 5-288-03760-4 изд. - СПб.: С.-ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, 2005.
4. Kierkegaard, S. *Gesammelte Werke*. – Yena: 1925.
5. Heidegger, M. *Die Metaphysik des deutschen Idealismus*. – Frankfurt, 1991.
6. Мусский, И.А. 100 великих мыслителей. - 5-7838-0609-9 изд. – М.: Вече, 2011. – С. 251.
7. Кьеркегор, С. Гармоническое развитие в человеческой личности эстетических и этических начал // Учебно-методический центр [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ido-rags.ru/?page_id=5651 – Дата доступа: 18.01.2018.
8. Письмо к Менекею // История Древнего Рима [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ancientrome.ru/antlitrt/t.htm?a=1358238790> (дата обращения: 18.01.2019).
9. Марк Аврелий. Наедине с собой. Размышления. // Открытый текст Электронное периодическое издание [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.opentextnn.ru/man/?id=518> – Дата доступа: 18.01.2019.

УДК 008:392+930.2(476)“18”

Жебун А. В.

Научный руководитель: к.и.н., доцент Малыхина Л. Ю.

КУЛЬТУРА И ОБЫЧАИ ПОЛЕССКОГО РЕГИОНА В «ВОСПОМИНАНИЯХ...» Ю. И. КРАШЕВСКОГО

Актуальность исследования вызвана интересом к творчеству и личности польского писателя, историка, краеведа, художника, музыкального критика и публициста Юзефа Игнация Крашевского. Литературное наследие нашего земляка как нельзя лучше отражает характер белорусско-польских культурно-исторических связей в период нахождения в составе Российской империи. В данной статье нами был изучен и проанализирован известный краеведческий мемуар писателя «Воспоминания о Волыни, Полесье и Литве», впервые изданный в Вильно в 1840 г. В этом уникальном источнике содержатся

описания культурных достопримечательностей и этнографических особенностей белорусского народа из Полесского региона в XIX в.

Юзеф Игнаций Крашевский происходил из польского дворянского рода герба Ястржембец. Он родился в 1812 г. в Варшаве, куда мать приехала из имения Долгое Пружанского уезда. Детство его прошло в родовых имениях отца – пружанского хорунжего и матери – в Романове (Польша). Учился будущий писатель в гимназии и лицее Слуцка и Бялой Подляски. Поступив на медицинский факультет Виленского университета, он продолжил обучение на литературном факультете.

В 1829 г. Ю. И. Крашевский на 8 лет вернулся в Долгое, часто отлучаясь в путешествия. Начиная свою краеведческую деятельность в 1834 г., главным критерием которой становится правдивый показ исторических сцен и описание мест, он «ни разу не позволил себе что-либо домыслить» [1]. Работа над мемуарами началась задолго до написания и складывалась из изучения и копирования архивных материалов, чтения исторической литературы домашней библиотеки и множества публичных библиотек, переписывания фрагментов редких книг и хроник, в настоящее время, увы, недоступных, путевых зарисовок, составленных во время путешествий. Впервые отправившись в путешествие по Полесью и Волыни, Ю. И. Крашевский уже был хорошо осведомлён о прошлом и традициях этого края. Результатом этих поездок стали бесценные «Воспоминания о Волыни, Полесье и Литве» с иллюстрациями, в которых Ю. И. Крашевский впервые показал себя тонким знатоком европейской истории и культуры. Очарованием исторического прошлого, этнографии и фольклора отмечена каждая страница «Воспоминаний...», представляющих сумму впечатлений от нескольких отдельных разновременных экспедиций и экскурсий на протяжении пяти лет. В жанровом отношении «Воспоминания...» явились, по определению исследователя Станислава Буркота, важнейшим видом «литературы факта» XIX в. [1, с. 107].

Впервые «Воспоминания...» были изданы в 1840 г. в Вильно, однако не получили авторского одобрения. Интересно, что первое издание было дополнено Приложением с авторскими пояснениями диалектных особенностей, исторических и культурных событий, которое вызывает особый интерес. Следующее издание в Париже в 1860 г. было дополнено иллюстрациями Крашевского. К сожалению, во втором издании были упразднены так называемые речевые «провинциализмы и архаизмы», которые присутствовали на восточных окраинах Польши в начале XIX в., текст от этих поправок потерял локальный колорит.

Как указывают исследователи [2, с. 221–229], «Воспоминания...» Крашевского являются редким источником по этнографии полесского края, они не раз цитируются в академическом «Географическом словаре Королевства Польского» 1893 г., антропологическом краеведении Оскара Кольберга, других славянских энциклопедиях, порой как единственный источник.

Для нас этот источник особенно ценен, потому что мемуары представляют богатый материал для характеристики разных слоёв Полесского общества, которое писатель изучил чрезвычайно подробно и изобразил мастерски. И, таким образом, по его «Воспоминаниям...» можно коротко ознакомиться с бытом, нравами и обычаями нашего родного края, а также важнейшими событиями истории. Плодовитый, разнообразный, увлекательный, представляющий собою редкое явление среди европейских писателей второй половины прошлого века, Крашевский вполне заслужил симпатии и громадную популярность не только у своих соотечественников. Важнейшим в воспоминаниях является то, что Крашевский запечатлевает повседневность края хорошо знакомого, близ-

кого, что не удивляется непривычности встречаемых явлений, а старается только описать то, что видит. Степень насыщенности образа реалиями, равно в смысле географическом, как и историческом, способствовал тому, что «Воспоминание о Волыни, Полесье, Литве» были средством изучения для многих последующих исследователей, краеведов.

Десять очерков, составленных на основе путевых заметок Ю. И. Крашевского, – «Ярмарка в Яновке», «Стырь и Горынь», «Оссово Фелинского», «Степань», «Осада Серницка», «Полесские леса», «Хозяйство», «Городец», «Корчмы, евреи, дороги», «Влостяне» – все они представляют собирательный образ Полесья начала XIX в.

«Воспоминания...» начинаются описанием традиционных ярмарок в небольшом местечке Яновка, некогда собственности магнатов Сапегов. Стоит село на границе Полесья и Волыни, в центре её бернардинский монастырь и костёл. Место это, в окружении лесов, ничем не примечательно и «надо здесь родиться, чтобы полюбить его» [3, с. 7]. Раз в году, 28 октября, в день святого Симеона Большая ярмарка собирала экономов, купцов, мелких торговцев и просто зевак. На волах, на конях, на телегах и фурманках, бричках, а то и пешком по всем дорогам, ведущим в местечко, стекались целые семьи полешуков. «Их лица, со следами смешения племён, некогда населяющих эти края, выражают любопытство» [3, с. 7]. Рынок наполнялся товарами и растягивался до костёла. Обычно торг начинался от третьей части цены. «Торг идёт бойкий и нигде не обходится без так называемого магарыча – прибавке к цене товара» [3, с. 8]. Взвешивали товар безменом, а деньги складывали в «калитку» – кожаный мешок. Со всех сторон разносились крики, смех, вой волов, ржание коней, поросычий визг. Торговали льном, грибами, пчелиным воском, высокими сапогами, табаком, шапками и платками, лыковыми лаптями, всякой живностью. Одеты были в белые суконные пальто, подпоясанные красными или чёрными кожаными ремнями, с «кресивом», наполненным табаком и неизменною трубкой – «файкой» в зубах. Женщины в платочках, полосатых пёстрых юбках, с «улыбкой на устах и курами под мышкой» [3, с. 9]. Тут же и холопы – «холендры», вольные крепостные, цыгане с чёрными распущенными волосами, важные экономы в шапках-ушанках и с палками в руках, русские купцы, предлагающие «недорого костюмы по цене нескольких кур или одной старой козы». И всё колышется, живет, суетится, выкрикивает, требует, привлекает... Грустно только тем, кому «старая бабка с пустым ведром дорогу перешла». Наконец к вечеру всё затихало и отправляясь в обратный путь, каждый просил прощения – «хорошо прощать, наевшись» («Dobrze wybaczyć najadtszy sie») [3, с. 15].

Название края, указывает автор, содержит в себе простую и естественную этимологию: Полесье – земля вдоль леса. Полесье, как известно, ещё до V–VI вв. н.э. было зоной взаимодействия славянской и балтийской культур, граница между которыми проходила по реке Ясельда-Припять-Горынь. «Главными водными артериями Полесья, – пишет Крашевский, – являются Стырь, берущая начало в восточной Галиции и впадающей в Припять и Горынь, исток исходящая из Кременца, несущая свои воды через Волынь на Полесье и тоже впадающая в Припять» [3].

Как описывает автор в очерке «Стырь и Горынь», вокруг этих рек находились множество оборонных замков: Луцкий и Чарторыйский, впервые упомянутый в летописи в 1327 г. замок в Олеске, расположенный на границе Литвы и Польши. Крепостные сооружения занимали огромные территории, находились на холмах в окружении рек совершенно заболоченной местности и были защищены валом с частоколами. Значение рек Стырь, Горынь и Припять для

«тутэйшых» примерно такое же, как Нила для египтян, сравнивает автор. Здесь водятся «белуга в три локтя», марена, сом, вырезуб, шереспер, минога, плотва, «нездоровые, но вкусные угри» [3, с. 19]. Недалеко от местечка Багурин, над Горынью были обнаружены стоянки древних людей, останки единого рога. На древних городищах археологи находили каменные топоры. Эти находки невероятно заинтересовали Крашевского, который сам составил археологический список находок и в 1863 г. выступил с докладом о них на международном конгрессе в Стокгольме. В селе Цепцевичи, недалеко от местечка Бережное, до начала XIX в. сохранились руины некогда большого и прекрасного дворца. Старые деревья, удивительный вид на далёкие луга с замкового взгорка над берегом Горыни только напоминали о некогда прекрасных местах, разрушенных войнами и кровавой резнёй. Вековые огромные сосны, «громада» курганов, народные предания о шведах, татарах – исторические памятники былых времен. Здесь находили немало могил, раскопки которых ничего не показали. Они могли являться для загнанных когда-то вглубь края татар, меткой дорог, по которым они шли [3, с. 21].

От казака-возницы, сопровождавшего его однажды в путешествии, он услышал любопытную историю названия местечка Скочище: «Расскажу я вам, страшная беда тут приключилась...». Когда-то жила тут «гарна дивчина», а двое «парубков» полюбили её, и одаривали её подарками, и посылали к ней сватов. Но равно как злой дух в её сердце закрался или чародейское заклинание опутало – никого не полюбила. Родители каждый день просили сделать свой выбор – тяжелая жизнь крепостничества, и нет времени «голову приложить». «Еще когда любовь в сердце, могут люди терпеть такую жизнь». Однажды, возвращаясь с праздника, остановились молодые люди возле реки на самом её широком месте. И сказала полушутя полусерьёзно им молодница: «Тот из вас, кто реку перескочит, станет суженым моим». Сказала, а сама подумала, что так они быстрее к ней охладят. Они же пошли в церковь, взяли

благословение, ничего не говоря, поцеловали крест и Евангелие и, придя на то же место, перекрестившись – прыгнули один за другим и утонули. «Две души загубила, – подумала дивчина, – пусть и я погибну!» [3, с. 23-24]. Так и называли село это Скочище.

Рисунок 1 – Иллюстрация к очерку «Стырь и Горынь». Худ. Ю. И. Крашевский [4, с. 21]

На рисунке Ю. И. Крашевского в следующем издании книги мы видим крест над могилой, заброшенный ветками (см. рис. 1). Так традиционно «тутэйшие» обозначали места захоронений внезапно умерших. Такой крест писатель увидел на берегу Горыни: «Наверно переплывал,

нанятый за деньги, крепостной, вместо коня сопровождавший сплав леса (так помещику было дешевле), а плывя, оглядывался на родную хату, жену и детей, стоящих на берегу и утонул» [3, с. 25]. «Чудесный поэтический край, – не раз восклицал автор «Воспоминаний...». – «Сколько же здесь можно по дороге собрать: руины дворцов, могилы, предания! Образы так прекрасны!» [3, с. 25].

В произведении «Городец» Ю. И. Крашевский описывает дорогое для себя местечко из Кобринского повета – сегодня это посёлок городского типа. Его владельцем в XIX в. был А. Урбановский, известный коллекционер книг, рукописей, собраний живописи, нумизматической коллекции, которые пополнял на протяжении всей жизни. В библиотеке, насчитывающей около 20 тыс. книг, находились редчайшие исторические и художественные раритеты. Пребывание в Городце стало для писателя во многих отношениях памятным. Гостеприимно встреченный хозяевами усадьбы первый раз в марте 1834 г., восхищённый всем увиденным, он приезжал сюда ещё не раз. Недаром свой первый писательский опус Крашевский посвятил именно «Ясновельможному пану Антону Урбановскому в память о счастливых минутах, проведённых в его доме от автора». Здесь же, в Городце, Крашевский встретил будущую жену Софью Воронович. «Писать о Полесье и не упомянуть Городец – грех. Расположение его очень красиво. Большая усадьба стоит над огромным прудом, от которого дорога в сад. В отдаление виднеется мост, село на берегу реки и в глубине густой бор. Ухоженный сад распростёрся позади дома, за ним открывается прекрасный вид на полноводную Горынь и луга» [3, с. 107]. Особое внимание в очерке автор уделяет главной местной достопримечательности – библиотеке – «первая вещь, достойная внимания» [3, с. 107]. Построена она была большой ценой времени, денег и работы, размещена в особом помещении. Кроме множества библиографических печатных редкостей, находились здесь и интересные рукописи. В частности, красивая и изящная каллиграфическая рукопись римского античного историка Валерия Максима на французском языке, размещённая на пергаменте с миниатюрами, золочением, украшениями, безмерно ценная и прекрасно сохранившаяся. Здесь же оказались математические рукописи XIV в.; старинный акт каплицы, связанный с дворцом архиепископа в Тулузе; книга арабских богослужений Вацлава Жевусского – ориенталиста, эмира, после долгих путешествий на Ближнем Востоке осевшего на Волыни и ведущего образ жизни бедуина; множество других латинских и польских раритетов.

Из редких изданий поразили Крашевского: пергаментная с каллиграфической росписью хорошо иллюстрированная норимбергская Библия (XV в.), а также средневековая латинская энциклопедия Яна Балби из Генуи. В библиотеке чудом сохранились изданный Шофлером и Фустом в 1286 г. «Католикос»; труды знаменитых итальянских графиков Г. Пиранесси и Ф. Давида; Статут Ласского – польское стародавнее право, написанное канцлером и архиепископом Гнёзненским в 1506 г.; Синодальные Статуты; брошюры профессора Ягелонской Академии (Краков) Яна Тухольчика.

Богатейшая эта библиотека хранила труды религиоведа, антииезуита Фабиана Себастьяна Клоновича, которые были уничтожены во всех европейских библиотеках. Среди редких хроник – работы одного из первых, пишущих польски, историка Мартина Бельского; «Жизнь философов» (1535), «Всемирные Хроники» (1551); исторические хроники известного геральдика и поэта Бартоша Папроцкого.

Во французском собрании библиотеки автор обнаружил многотомную Методическую Энциклопедию (Париж, 1781–1832); много исторической литературы, редкие немецкие монографии по зоологии, биологии и орнитологии.

Также в городецкой библиотеке сохранились прекрасно изданные альбомы художественных галерей: Орлеанской, Дрезденской, Люксембургской, Дюссельдорфской, собрания Санкт-Петербургского Эрмитажа, история итальянского искусства.

Нумизматическая коллекция содержалась в двух роскошных шкафах, отделанных бронзой и мрамором, украшенных медальонами. Они были приобретены на аукционе Потоцких – когда-то, после женитьбы на дочери польского короля Станислава Лещинского, эти шкафы были подарены королём Франции Людовиком XV своей теще. В этой коллекции обнаружились греческие и римские монеты цезарей, монеты времен короля Польши и великого князя Литовского Сигизмунда Августа, в том числе 10-дукатная литовская монета с изображением этого монарха с одной стороны и герба Литвы – с другой.

Прекрасные салоны Городца были украшены шедеврами нидерландца Р. Савери, француза Я. Б. Дескампа; редкими, датированными 1495 г., копиями работ Леонардо да Винчи; картиной «Благовещение» итальянского художника барокко Д. Зампери; оригиналами Малых Голландцев [3, с. 108–112]. Одну из картин работы болонского художника Гвидо Рени «Мадонна», любимого образа хозяина усадьбы, Ю. И. Крашевский получил в дар от пани Урбановской. Часть нумизматического сбора, картин, рукописей вывезли в Дрезден мать А. Урбановского и внук коллекционера Эдвард Стажиньский.

Таким образом, «Воспоминания о Полесье, Волыни и Литве» являются одной из самых важных книг Ю. И. Крашевского раннего периода творчества. В мемуарах описано богатое и своеобразное культурное наследие полешуков первой половины XIX в. – верования, традиции, обычаи и быт. Автор знакомит нас с элементами колоритного местного украинско-польско-белорусского наречия. Кроме этого, учёный обращается к описанию редких библиографических, художественных и нумизматических ценностей местной шляхты, которые являются подтверждением наличия тесных культурных связей в границах европейской цивилизации.

Список цитированных источников

1. Burkot, S. Spory o powieść w polskiej krytyce literackiej XIX wieku / Stanisław Burkot. Wrocław–Warszawa–Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Prace Komisji Historycznoliterackiej. – 1968. – Nr. 18. – 169 s.

2. Wincenty, Danek. Kraszewski Józef Ignacy // Polski Słownik Biograficzny / Polska Akademia Nauk, Instytut Historii. – T. XV: Kozłowska Zofia – Kubacki Stanisław. – Wrocław–Warszawa–Kraków, 1970. – S. 221–229.

3. Kraszewski, J.-I. Wspomnienia Polesia, Wołynia i Litwy / Józef-Ignacy Kraszewski. – Vilna : Nakład i druk T. Glücksberga [1840]. – 232 s. T. 1–2 [Электронный источник]. – Режим доступа: <http://pbc.biaman.pl/dlibra/docmetadata?id=28613> – Дата доступа: 05.04.2019.

4. Kraszewski, J.-I. Wspomnienia Polesia, Wołynia i Litwy / Józef-Ignacy Kraszewski. – Paryż : Drukarnia J. Claye, [1860]. – 144 s. [Электронный источник]. – Режим доступа: <http://pbc.biaman.pl/dlibra/docmetadata?id=1502> – Дата доступа: 05.04.2019.